

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

Петров без Ильфа

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)
П30

Петров Е.

П30   Петров без Ильфа : [воспоминания, рассказы, очерки] / Евгений Петров. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2022. — 377 с. — (Серия «Пальмира — коллекция»).

ISBN 978-5-517-07262-7

В этот сборник вошли произведения Евгения Петрова, самое раннее из которых датируется 1924 годом, в том числе комедия «Остров мира», рассказы, очерки, фельетоны, статьи, воспоминания и фронтовые корреспонденции.

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)**

ISBN 978-5-517-07262-7

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

**РАССКАЗЫ,
ОЧЕРКИ,
ФЕЛЬЕТОНЫ
(1924—1932)**

ИДЕЙНЫЙ НИКУДЫКИН

Вася Никудыкин ударил себя по впалой груди кулаком и сказал:

— К черту стыд, который мешает нам установить истинное равенство полов!.. Долой штаны и долой юбки!.. К черту тряпки, прикрывающие самое прекрасное, самое изящное, что есть на свете, — человеческое тело!.. Мы все выйдем на улицы и площади без этих постыдных одежд!.. Мы будем останавливать прохожих и говорить им: «Прохожие, вы должны последовать нашему примеру! Вы должны оголиться!» Итак, долой стыд!.. Уррррра!..

— И все это ты врешь, Никудыкин. Никуда ты не пойдешь. И штанов ты, Никудыкин, не снимешь, — сказал один из восторженных почитателей.

— Кто? Я не сниму штанов? — спросил Никудыкин упавшим голосом.

— Именно ты. Не снимешь штанов.

— И не выйду голым?

— И не выйдешь голым.

Никудыкин побледнел, но отступление было отрезано.

— И пойду, — пробормотал он уныло, — и пойду... Прикрывая рукой большой синий чирий на боку.

Никудыкин тяжело вздохнул и вышел на улицу. Накрапывал колючий дождик.

Корчась от холода и переминаясь кривыми волосатыми ногами, Никудыкин стал пробираться к центру. Прохожие подозрительно косились на сторбленную лиловую фигуру Никудыкина и торопились по своим делам.

«Ничего, — думал отважный Никудыкин, лязгая зубами, — н... н... иче-го... погодите, голубчики, вот влезу в трамвай и сделаю демонстрацию! Посмотрим, что вы тогда запоете, жалкие людишки в штанах!...»

Никудыкин влез в трамвай.

— Возьмите билет, гражданин, — сказал строгий кондуктор.

Никудыкин машинально полез рукой туда, где у людей бывают карманы, наткнулся на чирый и подумал: «Сделаю демонстрацию».

— Долой, это самое... — пролепетал он, — штаны и юбки!

— Гражданин, не задерживайте вагон! Сойдите!

— Долой тряпки, прикрывающие самое прекрасное, что есть на свете, — человеческое тело! — отважно сказал Никудыкин.

— Это черт знает что! — возмутились пассажиры. — Возьмите билет или убирайтесь отсюда!

«Слепые люди, — подумал Никудыкин, отступая к задней площадке, — они даже не замечают, что я голый».

— Я голый и этим горжусь, — сказал он, криво улыбаясь.

— Нет, это какое-то невиданное нахальство! — зашумели пассажиры. — Этот фрукт уже пять минут задерживает вагон! Кондуктор, примите меры!

И кондуктор принял меры.

Очутившись на мостовой, Никудыкин потер ушибленное колесо и поплелся на Театральную площадь.

«Теперь нужно сделать большую демонстрацию, — подумал он. — Стану посредине площади и скажу речь. Или лучше остановлю прохожего и скажу ему: прохожий, вы должны оголиться».

Кожа Никудыкина, успевшая во время путешествия переменить все цвета радуги, была похожа на зеленый шагреневый портфель. Челюсти от холода отбивали чечетку. Руки и ноги скрючились.

Никудыкин схватил пожилого гражданина за полу пальто.

— П...п... прохожий... ввввв... долой... ввввв... штаны... ввввв...

Прохожий деловито сунул в никудыкинскую ладонь новенький, блестящий гривенник и строго сказал:

— Работать надо, молодой человек, а не груши околачивать! Тогда и штаны будут. Так-то.

— Да ведь я же принципиально голый, — пролепетал Никудыкин, рыдая. — Голый ведь я... Оголитесь, гражданин, и вы... Не скрывайте свою красоту...

— А ты, братец, работай и не будешь голый! — нравоучительно сказал прохожий.

Никудыкин посмотрел на гривенник и заплакал. Ночевал он в милиции.

ГУСЬ И УКРАДЕННЫЕ ДОСКИ

Рассказ провинциального поэта

Ксаверий Гусь обладал двумя несомненными и общепризнанными качествами: большим красным носом и не менее большой эрудицией. Первое было необъяснимо. Второе он заимствовал на юридическом факультете. До революции он был помощником присяжного поверенного. О своем былом величии он вспоминал редко, предпочитая довольствоваться величием настоящего. Впрочем, служба в Уголовном розыске не мешала ему петь баритоном (именно баритоном): «Во Францию два гренадера...» под мой аккомпанемент в нашем непрехотливом сельском театре.

Я служил в «Югросте» районным корреспондентом. Служил честно и ревностно: разъезжал по волисполкомам и собирал животрепещущие сведения. В то, полное лишений, но от этого трижды прекрасное время я за день успевал бывать в разных концах моего района. В невозмутимых немецких колониях я рычал переводов и хронику с клубных подмостков (систематическое проведение устных газет на местах). В безалаберных украинских селах я лихорадочно записывал в блокнот повестки дня очередных волсьездов. В степных хуторках я воевал со стаями одичавших собак. А сидя в подводе, нырявшей в желтых хлебах и зарослях кукурузы, под синим украинским небом я сочинял стихи. Все шло прекрасно, если бы не эта встреча. Эта встреча меня подкосила.